

СТАТЬИ

ФУНКЦИИ КУРСИВА В СТАТЬЕ Н. М. КАРАМЗИНА «ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ НА ПУТИ К ТРОИЦЕ» (1802 Г.)

В. С. Савельев

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, функции курсива, «чужое слово», фразовое ударение.

Keywords: N. M. Karamzin, functions of italics, “non-author word”, phrasal stress.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–01

Одной из актуальных задач изучения творчества Н. М. Карамзина является определение особенностей использования им графических средств выделения фрагментов текста. Исследователи его произведений неоднократно обращали внимание на употребление автором различных элементов параграфематики, в том числе и *курсива*, функциональная нагрузка которого у Н. М. Карамзина разнообразна: «В прижизненных изданиях Карамзина часто употреблялся курсив для обозначения слов в переносном значении или для подчеркивания созданных им неологизмов. Однако курсивом он пользовался и для передачи чужой речи, цитат, географических названий и понятий, заглавий книг, указаний дат и т. п.» [Макогоненко, Берков, 1964, с. 786]. Отмечается авторский характер использования данного средства: «К вопросам индивидуальной интонационной пунктуации относится также и употребление разного рода типографских средств: курсива, разрядки и проч. Следует подчеркнуть, что употребление курсива и кавычек у Карамзина не совпадает с современными нормами и не может быть адекватно на них переведено. Курсивом он обозначает не только прямую речь, но и разные формы чужого слова: несобственно-прямую, косвенную речь, а также цитаты из чужих текстов. Одновременно курсив подразумевает ненейтральное отношение автора к разным формам чужого слова. В нейтральных случаях Карамзин использует кавычки. Таким образом, создается возможность

выражения сложных интонационно-оценочных значений и этим способом» [Лотман, Успенский, 1984, с. 520, 521].

В исследовании И. М. Борисовой устанавливаются особенности использования курсива в поэтических произведениях Н. М. Карамзина:

- «...выделение курсивом слов и словосочетаний происходит в 90% случаев, а предложений — в 10% случаев»;
- «в ... 22% случаев лексическое наполнение курсивных выделений составляют слова, однокоренные словам „любовь“, „бог“, „жизнь“, „прощение“, „счастье“, „душа“, „благо“ <...>;
- в 15% случаев — это курсивы слов, обозначающих ощущения, чувства, эмоции и их оттенки»;
- «27% случаев курсив маркирует рифму, а в 5% — конец строки в произведениях с белым стихом»;
- «Чаще всего (44% случаев) курсив у поэта выполняет функцию характеристики предмета, явления, лица <...>;
- в 26% случаев курсив у Карамзина несет на себе функцию выделения пространственно-временных форм <...>;
- в 22% случаев курсив служит средством оформления „нужного слова“» [Борисова, 2016, с. 15–17].

Полученные И. М. Борисовой результаты, на наш взгляд, убедительно доказывают не только значимость курсива как элемента параграфематики Н. М. Карамзина, но и наличие прямой зависимости особенностей функционирования этого средства от типа создаваемого автором текста: можно предположить, что значительная часть отмеченных характеристик вряд ли свойственна нехудожественной прозе Н. М. Карамзина. Для того чтобы убедиться в этом, обратимся к одной из наиболее значимых его статей «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице», впервые опубликованной в журнале «Вестник Европы» в 1802 г.

В тексте статьи обнаруживается 25 случаев использования курсива. Какие именно фрагменты текста выделяет автор?

Чаще всего курсивом выделяются словоформы (14 случаев) и словосочетания (2 случая), занимающие позиции различных членов предложения:

<1> «Приставъ сказывалъ мнѣ, что другая *вышка*, которая уже разрушилась, была гораздо пространнѣе» (Николай Карамзин. Историческая воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 219) — подлежащее;

¹ Согласно подсчетам И. М. Борисовой, в 52 произведениях обнаруживается 203 случая использования курсива (см. [Борисова, 2016, с. 14]).

<2> «Святый Сергій, рожденный въ нещастныя времена нашего отечества, когда внѣшніе непріятели и внутренніе раздоры обращали Россію въ истинную юдоль плача» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 287) — дополнение;

<3> «Въ Успенскомъ Соборѣ погребена единственная Лифляндская Королева въ свѣтъ, Марѳа Владиміровна» (там же, с. 300) — согласованное определение;

<4> «<...> истребилъ цѣлую армію злодѣевъ, которые подѣ начальствомъ грознаго, отчаяннаго Хлопка, сего Рускаго Катилины» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802с. С. 36) — несогласованное определение;

<5> «Князь Щербатовъ говоритъ, что лѣтописцы наши не сказываютъ имени сего монаха, а сохранили только его прозваніе *Топорковъ*» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 302) — приложение;

<6> «Я воображалъ нашего добраго Рускаго Царя, сидящаго тутъ среди вельможъ своихъ, или, лучше сказать, *передъ ними*» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 209) — обстоятельство места;

<7> «Шуйскій, сдѣлавшись Царемъ, велѣлъ перевести тѣло Годунова изъ Варсонофьевскаго монастыря въ Троицкій и похоронить его *честно*, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, при Успенскомъ Соборѣ» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802с. С. 44) — обстоятельство образа действия.

В качестве частей сложного бессоюзного предложения используются выделяемые курсивом предикативные единицы, в 5 случаях находящиеся в постпозиции (<8> «... здѣсь, отвращаясь сердцемъ и взоромъ отъ мятежной земли, въ безмолвіи пустынь гласилъ онъ съ Пророкомъ древности: *Небеса повѣдаютъ славу Божию! ...*» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 287) и под.) и в 1 случае — включающая в интерпозиции не выделенные курсивом «слова автора» (<9> «*Но святый угодникъ*, какъ говоритъ почтенный Историкъ Лавры, *сокрывъ себя въ пустынь, не могъ сокрыть имени своего*» (там же, с. 287).

В трех случаях синтаксическая роль выделяемых курсивом фрагментов требует особого описания:

<10> «Я видѣль слѣды батарей, которыми Поляки громили Троицкія стѣны; но и развалины бывають *тамъ* могилою непріятели, *здѣ* два сильныя чувства: любовь къ отечеству и вѣра, вооружають защитниковъ» (Николай Карамзин. Историческія воспоминанія, вместе с другими замечаніями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 288) — выделяются местоименные слова, «организующие» сложноподчиненное предложение местоименно-соотносительного типа;

<11> «Лѣтописцы наши, столь не охотно отдающіе ему справедливость, признаются, что Борисъ *любилъ въ судахъ правду*» (Николай Карамзин. Историческія воспоминанія, вместе с другими замечаніями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802с. С. 34) — курсивом выделяются все члены предикативной единицы, кроме подлежащего;

<12> «Входя во внутренность ограды, вы видите передъ собою монументы четырехъ вѣковъ, которые, по словамъ Стихотворца, привѣтствуютъ васъ *Одинъ съ угрюмостью своей, Другой съ улыбкою веселой!*» (Николай Карамзин. Историческія воспоминанія, вместе с другими замечаніями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 289) — курсивом выделяются две стихотворные строки, используемые в качестве части написанного прозой предложения и занимающие в нем ряд синтаксическихъ позицій.

Последние два фрагмента хорошо иллюстрируют потенциал курсива как средства, позволяющего сочетать в тексте «свое» и «чужое» слово: в случае необходимости автор может трансформировать исходную «чужую» синтаксическую конструкцию, добавив в нее «свой» элементы.

Маркирование «чужого слова» в структуре «своего текста», на наш взгляд, может быть признано одной из основных функций курсива в статье Н. М. Карамзина (наблюдается в 16 из 25 случаев). Можно выделить несколько типов «чужого слова», оформляемого именно такимъ способом:

1. Автор приводит название объекта (<13> «Колодцы деревянные, кромѣ одного, каменнаго, называемаго *громовымъ*, для того, какъ увѣряють, что тутъ ударилъ нѣкогда громъ въ землю» (Николай Карамзин. Историческія воспоминанія и замечанія на пути к Троице. 1802а. С. 217)) или имя человека (см. <5>), которые неизвестны читателю. При этом автор может рассказать об истории возникновения номинации (см. <13>) и сообщить о том, что сам он это название знал и ранее (<14> «Они состоятъ въ деревянной церкви, построенной, думаю, еще прежде Царя Алексѣя Михайловича, и въ ветхомъ зданіи, похожемъ на анбаръ и называемомъ *Царскою вышкою*. Это имя было для меня не ново: я слыхаль, что въ старину назывались такъ высокіе терема, въ которыхъ Рускіе Боя-

ре прохладдались иногда лѣтомъ» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 218, 219)).

2. Автор повторяет название объекта, который в предтексте упоминался с помощью нового для читателя слова (см. <1>).

3. Автор использует слово, известное читателю, но «произносимое» в данном фрагменте не рассказчиком, а иным субъектом текста и, соответственно, отражающее «чужое» знание или «чужую» точку зрения (<15> «Что принадлежит до тогдашней народной ненависти къ Царю Борису, о которой говоритъ Князь Щербатовъ, то я не вижу рѣшительныхъ ея доказательствъ. <...> Скорѣ повѣрю я Татищеву, что *Бояре* не любили тогда Годунова» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802с. С. 42, 43), <16> «Г. Миллеръ удивляется, отъ чего Переславль названъ *Зальскимъ*, когда вокругъ его нѣтъ даже и рощи!» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 220)). При этом в <16> новизна восприятия «чужого» в данном случае слова связана с необходимостью оценить его внутреннюю форму.

4. В одном из случаев «чуждость» слова подчеркивается тем, что оно представляет собой архаизм: в <7> слово *честно* в значении «с почестями» маркирует дискурс, принадлежащий не времени автора и читателю, а времени описываемых событий.

Приведенные в пп. 1–4 фрагменты объединяет то, что в их субъектной перспективе «источником» выделяемого курсивом слова является не рассказчик, а иной субъект речи, при этом он а) персонифицирован (<1>, <7>, <15>), сказуемое называет его речевую деятельность (<1>, <7>), б) не персонифицирован (<13>, <14>, <16>), используются формы причастия страдательного залога глагола *наз(ыв)ать* (<13>, <14>, <16>) и 3 лица индикатива глагола *увѣрять* в неопределенно-личном предложении (<13>).

В <5> субъект речи формально персонифицирован, однако в действительности речь идет не о конкретном, а об «обобщенном» авторе текста определенного жанра, на что указывает форма множественного числа подлежащего *лѣтописцы*.

В <16> субъектная перспектива имеет более сложную структуру, чем в других фрагментах: упоминается персонифицированный источник оценки — *Г. Миллеръ*, который высказывает оценку «чужого слова» («Г. Миллеръ удивляется»), принадлежащего неперсонифицированному источнику номинации («Переславль названъ *Зальскимъ*»), в связи с чем, как мы видим, в <16> используются средства оформления субъектных значений различных типов.

5. В отличие от приведенных в пп. 1–4 примеров, субъектная перспектива фрагмента <17> «Россія въ сравненіи съ другими Европейскими землями есть конечно новая страна въ разсужденіи *обитаемости*» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 220) не отсылает к какому-либо «внешнему» источнику: слово *обитаемость* оказывается новым для читателя, поскольку оно, по всей вероятности, является авторским неологизмом².

Использование автором пространных «чужих слов» (= «чужих предложений») имеет свою специфику.

6. Автор ориентируется на знание читателем прецедентных текстов: его целью является порождение в сознании читателя импликатур, связанных с «расшифровкой» «чужого» слова (см. <2> и <8>), общеизвестного, а потому не требующего указания «источника» (Пс. 83, 7 и Пс. 18, 1), но допускающего упоминание, что это слово является «чужим» (<8> «въ безмолвіи пустынь гласиль онъ съ Пророкомъ древности»).

7. В противоположность примерам в п. 6, ряд фрагментов содержит пространное «чужое слово», являющееся для читателя новым и представляющее собой нарративный фрагмент чужого текста: <18> «Еще трогательнѣе для меня тогдашнее братское согласіе Рускихъ Воиновъ, избраженное сею милою, простою чертою въ нашихъ лѣтописяхъ: *никакой ссоры между людьми Пожарскаго не бывало, но всѣ совѣстно и единомышленно другъ съ другомъ поступали*» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 295), а также <9> и <11>. Во всех случаях автор указывает источник приводимой цитаты.

8. В отличие от примеров в п. 7, в ряде фрагментов пространное «чужое слово», являющееся для читателя новым, может представлять собой воспроизведение прямой речи из «чужого» текста: <19> «Гетманъ Желковскій требоваль отъ него, чтобы онъ запретилъ Пожарскому собирать войско, но сей великій мужъ отвѣчалъ ему: *а кто же спасетъ Россію?*» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 295), <20> «Юаннъ, по словамъ Курбскаго, такъ плѣнился коварнымъ совѣтомъ монаха, что поцѣловаль руку его съ восторгомъ, сказавъ: *самъ отецъ мой не могъ бы присовѣтовать мнѣ лучше!...*» (там же, с. 302). Обраща-

² Слово *обитаемость* не обнаруживается в обоих изданиях «Словаря Академии Российской» (1789–1794 гг. и 1806–1822 гг.) и «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (1987 г.), но зафиксировано в «Словаре русского языка XVIII в.» со значением «населенность, заселенность», причем в качестве примера приводится рассматриваемый фрагмент из статьи Н. М. Карамзина (см. [Словарь, 2005, с. 241]).

ет на себя внимание то, что во всех остальных случаях, оформляя прямую речь, не восходящую к «чужим» текстам, Н. М. Карамзин использует кавычки (например, «Я хотѣлъ знать, любятъ ли они другъ друга? — „Какъ не любить! мужъ да жена больше, чѣмъ братъ да сестра”» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 222)).

9. Особо следует выделить конструкцию, которая передает «чужое», не разделяемое рассказчиком мнение: <21> «Однакожь на полѣ Куликовскомъ исчезло гибельное суевѣріе Рускихъ, главная вина ихъ постыднаго рабства: *они считали грозныхъ Татаръ бичемъ Небеснымъ, которому ничто не могло противиться*» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 292], — не указывая источник выделенной курсивом части текста, автор не дает читателю возможности установить, восходит ли данный фрагмент к конкретному тексту (например, к летописным сообщениям о битве на реке Калке) или является «общим местом» древнерусской письменности.

Еще одним «темным местом» статьи является фрагмент <12>: автор ссылается на некоего «Стихотворца», но не называет его имени. Примечательно, что противопоставление «угрюмости» и «веселости», на котором строится «цитируемое» двустишие, очень напоминает фрагменты из нескольких текстов самого Н. М. Карамзина: «Тутъ начинается садъ Англійской, картина сельской Природы, въ иныхъ мѣстахъ дикой, угрюмой, въ другихъ обработанной и веселой» («Письма русского путешественника») (Николай Карамзин. Сочинения Карамзина. 1803а. С. 108), «Князь <...> сказалъ <...> съ жаромъ: „Юлія хочетъ промѣнять огненного Амура на холоднаго Гименея! милую улыбку перваго на вѣчную угрюмость послѣдняго!”» («Юлия») (Николай Карамзин. Сочинения Карамзина. 1803б. С. 87, 88).

В ряде случаев использование курсива мотивировано иной, чем необходимость маркирования чужого слова, причиной. С помощью этого параграфемного элемента Н. М. Карамзин указывает, на какое из слов конструкции падает фразовое ударение: <22> «Но я увидѣлъ не далеко отъ дороги прекрасный *водводѣ*» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 212)³, <23> «Тутъ вѣрно клали имъ перину или устилали полъ травою для свѣжести, отворяя со всѣхъ сторонъ *задвигныя* окна» (там же, с. 219), <24> «Тамъ, на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, изображены *четыре* эпохи славы его

³ Слово не является для читателя «новым»: в частности, оно зафиксировано уже в 1-м издании «Словаря Академии Российской» (см. [Словарь, 1789, с. 796]).

и незабвенныя услуги, оказанныя имъ Россіи» (Николай Карамзин. Историческія воспоминанія, вместе с другими замечаніями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 291), а также <3>, <4> и <10>.

О двух фрагментах с курсивом, указывающим фразовое ударение, следует сказать особо.

В <6> автор, используя выделяемый курсивом уточняющий член предложения, прибегает к языковой игре: рассказчик, как бы исправляя сам себя, замещает неточно выбранное слово («среди вельможъ своихъ, или, лучше сказать, *передъ ними*») — подобная самокоррекция, уместная для устной речи, является избыточной в речи письменной и должна породить в сознании читателя определенную импликатуру.

Во фрагменте <25> «Извѣстно только по запискамъ монастырскимъ, *что* Авраамъ оставилъ по кончинѣ своей: мало богатства, но много славы!» (Николай Карамзин. Историческія воспоминанія, вместе с другими замечаніями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 300) выделение курсивом слова *что* позволяет избежать двусмысленности: омонимичный местоимению союз *что* не может выделяться фразовым ударением.

Фразовое ударение является одним из средств акцентирования внимания адресата на коммуникативно значимой части высказывания. Между тем введение «чужого слова» в свой текст также подразумевает «управление» вниманием читателя. В связи с этим вполне логично, что в большинстве случаев выделение курсивом «чужого слова» одновременно указывает и на фразовое ударение. На наш взгляд, наиболее показательным в этом отношении является фрагмент <15>: с одной стороны, выделение курсивом слова *Бояре* адресует читателя к точке зрения В. Н. Татищева, с другой — указывает, что именно находящееся в препозиции слово *Бояре* является не темой, а ремой высказывания. Также обращает на себя внимание использование во фрагменте <2> перед «чужим словом» *юдоль плача* рематизатора «истинная», указывающего на особый коммуникативный статус выделенного курсивом словосочетания.

Выделение курсивом, связанное с указанием особой коммуникативной значимости элемента текста, касается не только отдельных слов, но и более пространственных частей текста: как нарративные фрагменты, так и реплики субъектов нарратива («прямая речь»), восходящие к «чужому» тексту, потому и используются в «своем» тексте, что имеют особую коммуникативную значимость и должны обязательно вызвать пристальное внимание читателя (наиболее показательны в этом отношении фрагменты <9>, <18>, <19> и <20>).

Использование курсива, не связанное с выделением «чужого слова» и/или коммуникативно значимого элемента текста, обнаруживается только в одном случае — в графическом оформлении названия статьи. Примечательно, что в более поздних прижизненных ее изданиях (в «Собрании сочинений» Н. М. Карамзина 1803, 1814 и 1820 гг.) название курсивом не выделяется: поскольку использование курсива в этом случае связано не с отражением особого авторского замысла, а с технической редакцией журнала (названия всех статей «Вестника Европы» передаются курсивом), то и сохранение этой графической особенности впоследствии может игнорироваться (названия всех произведений в трех изданиях «Собрания сочинений» передаются заглавными буквами). Напротив, мотивированное авторским замыслом использование курсива не подразумевает возможности последующего изменения (разумеется, за исключением авторской правки): в трех изданиях «Собрания сочинений» сохраняется курсивное выделение 24 из 25 фрагментов текста. Единственное изменение касается фрагмента <12>: в изданиях «Собрания сочинений» 1814 и 1820 гг. эти стихотворные строки передаются прямым шрифтом, см. (Николай Карамзин. Сочинения Карамзина. 1814. С. 285) и (Николай Карамзин. Сочинения Карамзина. 1820. С. 220).

Таким образом, функции курсива в различных текстах Н. М. Карамзина действительно зависят от того, какому жанру принадлежит текст. В частности, оказалось, что основными функциями курсива в публицистической статье Н. М. Карамзина являются а) выделение «чужого слова» и б) выделение коммуникативно значимого элемента текста. При этом зачастую использование курсива позволяет автору достичь этих двух целей одновременно, что говорит о полифункциональности данного графического средства.

Библиографический список

Борисова И. М. Курсив в поэзии Н. М. Карамзина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 11 (199).

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Текстологические принципы издания // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984.

Макогоненко Г. М., Берков П. Н. От редакторов // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. М. ; Л., 1964.

Словарь Академии Российской. Часть I. От А. до Г. СПб., 1789.

Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 15. Непечатный — Обломатье. СПб., 2005.

Источники

Карамзин Н. М. Историческия воспоминания и замечания на пути к Троице // Вестник Европы. 1802а. Ч. 4. № 15.

Карамзин Н. М. Историческия воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре (Продолжение) // Вестник Европы. 1802б. Ч. 4. № 16.

Карамзин Н. М. Историческия воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре (Окончание) // Вестник Европы. 1802с. Ч. 5. № 17.

Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина. Издание второе, исправленное и умноженное. Т. 9. М., 1814.

Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина. Издание третье, исправленное и умноженное. Т. 9. М., 1820.

Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина. Т. 5. М., 1803а.

Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина. Т. 6. М., 1803б.

References

Borisova I. M. *Kursiv v poezii N. M. Karamzina*. [Italics in poetry of N. M. Karamzin]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Orenburg State University]. 2016. No. 11 (199).

Lotman Yu. M., Uspenskiy B. A. *Tekstologicheskie principy izdaniya*. [Textual principles of publication]. In: *Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika*. [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad, 1984.

Makogonenko G. M., Berkov P. N. *Ot redaktorov*. [From the editors]. In: *Karamzin N. M. Izbrannye sochineniya v dvuhtomah*. [Selected works in two volumes]. Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1964.

Slovar' Akademii Rossijskoj. [Dictionary of the Russian Academy]. Pt. I. From G. to Z. St. Petersburg, 1789.

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 15. Nepochatyj — Oblomat'sya. St. Petersburg, 2001.

List of sources

Karamzin N. M. *Istoricheskaya vospominaniya i zamechaniya naputi k Troice*. [Historical memories and remarks on the way to Trinity]. In: *Vestnik Evropy*. [Messenger of Europe]. 1802. Pt. 4. No. 15.

Karamzin N. M. *Istoricheskaya vospominaniya, vmeste s drugimi zamechaniyami, naputi k Troice i v semmonastyre (Prodolzhenie)*. [Historical memories, together with other remarks, on the way to the Trinity and in this monastery (Continued)]. In: *Vestnik Evropy*. [Messenger of Europe]. 1802б. Pt. 4. No. 16.

Karamzin N. M. *Istoricheskiya vospominaniya, vmeste s drugimi zamechaniyami, naputi k Troicej v semmonastyre (Okonchanie)*. [Historical memories, together with other remarks, on the way to the Trinity and in this monastery (End)]. In: *Vestnik Evropy*. [Messenger of Europe]. 1802c. Pt. 5. No. 17.

Karamzin N. M. *Sochineniya Karamzina*. [Works by Karamzin]. Vol. 9. Moscow, 1814.

Karamzin N. M. *Sochineniya Karamzina*. [Works by Karamzin]. Vol. 9. Moscow, 1820.

Karamzin N. M. *Sochineniya Karamzina*. [Works by Karamzin]. Vol. 5. Moscow, 1803a.

Karamzin N. M. *Sochineniya Karamzina*. [Works by Karamzin]. Vol. 6. Moscow, 1803b.